

Кнута-германская империя и социальная революция

М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика.

М., "Правда", 1989

[OCR Бычков М. Н.](#)

Лион, 29 сентября 1870 г.

Дорогой друг*!

Мне не хочется уезжать из Лиона, не поговорив с тобой на прощанье. Осторожность не позволяет мне еще раз пожать тебе руку. Мне больше нечего здесь делать. Я приехал в Лион для того, чтобы сражаться или умереть с вами. Меня привела сюда непоколебимая уверенность, что дело Франции вновь стало делом человечества и что ее падение, ее порабощение режимом, который будет навязан ей прусскими штыками, было бы величайшим несчастьем с точки зрения свободы и человеческого прогресса, какое только может постигнуть Европу и весь мир**.

Я принял участие во вчерашних событиях и поставил свое имя под резолюциями *Центрального комитета спасения Франции****, потому что для меня очевидно, что после полного и реального разрушения всей административной и правительственной машины вашей страны для спасения Франции не остается иного пути, как восстание, стихийная, немедленная и революционная организация и федерация коммун, вне всякой официальной опеки и руководства.

Все эти обломки прежней администрации страны, эти муниципалитеты, состоящие большей частью из буржуа или из рабочих, обращенных в буржуа, людей косных, неумных, неэнергичных и неискренних; все эти прокуроры республики, эти префекты и субпрефекты, а в особенности чрезвычайные комиссары, имеющие неограниченные военные и гражданские полномочия, комиссары, которых немислимая и роковая власть обрубка правительства, заседающего в Туре****, только что облекла бессильною диктатурой,-- все это годится лишь для того, чтобы парализовать последние усилия Франции и отдать ее пруссакам.

Вчерашнее движение, если бы оно восторжествовало,-- а оно неизбежно бы восторжествовало, если бы генерал Клузере, слишком желавший угодить всем партиям, не оставил бы так скоро дело народа; движение, которое опрокинуло бы бездарный, бессильный и на три четверти реакционный муниципалитет Лиона* и заменило бы его сильным революционным комитетом, сильным потому, что он был бы не фиктивным, а непосредственным и реальным выражением воли народа; это движение, я повторяю, могло бы спасти Лион, а вместе с Лионом и Францию.

Вот уже прошло двадцать пять дней с тех пор, как провозглашена республика, и что же сделано для того, чтобы подготовить и организовать защиту Лиона? Ничего, решительно ничего.

Лион -- вторая столица Франции и ключ к Югу. Кроме обеспечения своей собственной защиты, он должен, стало быть, выполнить двойной долг: организовать вооруженное восстание Юга и освободить Париж. Он мог и теперь еще может сделать и то и другое. Если поднимется Лион, он непременно увлечет за собою весь Юг Франции. Лион и Марсель станут двумя полюсами грозного революционного-национального движения, которое, подняв разом города и деревни, привлечет сотни тысяч сражающихся и противопоставит военной организации сил вторжения все могущество революции.

И каждому, напротив, должно быть ясно, что если Лион попадет в руки пруссаков, то Франция будет безвозвратно потеряна. От Лиона до Марселя они не встретят более препятствий. И что ж тогда? Тогда Франция сделается тем, чем так долго, слишком долго была Италия по отношению к вашему бывшему императору: вассалом его величества императора Германии. Возможно ли пасть ниже?

Только Лион может избавить Францию от этого падения и постыдной смерти. Но для этого надо, чтобы Лион пробудился, чтобы он действовал, не теряя ни одного дня, ни одной минуты. К сожалению, пруссаки не медлят. Они разучились спать: с присущей немцам последовательностью и поразительной точностью они осуществляют свои продуманно составленные планы, и, присоединив к этому древнему качеству своей расы быстроту действий, которая до сих пор считалась свойственной только французским